

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
24 September 2021
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 913/2019* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Л.Х. и М.Х. (представлены адвокатом Викторией Ньюстрём)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата сообщения:</i>	5 февраля 2019 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решения в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета, препровожденные государству-участнику 13 февраля 2019 года
<i>Дата принятия решения:</i>	22 июля 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	высылка в Российскую Федерацию
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; необоснованность утверждений
<i>Вопрос существа:</i>	угроза применения пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания в случае высылки в страну происхождения (невозвращение (non-refoulement))
<i>Статья Конвенции:</i>	3

1.1 Заявителями являются Л.Х., гражданка Российской Федерации 1983 года рождения, и ее несовершеннолетняя дочь М.Х., также гражданка Российской Федерации 2002 года рождения, обе ингушского происхождения. Заявители утверждают, что их возвращение в Российскую Федерацию будет нарушением Швецией статьи 3 Конвенции. Государство-участник сделало заявление в

* Принято Комитетом на его семьдесят первой сессии (12–30 июля 2021 года).

** В рассмотрении сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Петер Ведель Кессинг, Эрдоган Искан, Ильвия Пуце, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе, Лю Хуавэнь и Клод Эллер. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым в совокупности с правилом 15 правил процедуры Комитета, и статьей 10 руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебские руководящие принципы) Бахтияр Тузмухамедов не участвовал в рассмотрении сообщения.

соответствии с пунктом 1 статьи 22 Конвенции, вступившее в силу 1 октября 1991 года. Заявители представлены адвокатом.

1.2 13 февраля 2019 года в соответствии с пунктом 1 правила 114 своих правил процедуры Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, обратился к государству-участнику с просьбой воздержаться от высылки заявителей в Российскую Федерацию, пока жалоба находится на рассмотрении Комитета. 24 сентября 2019 года государство-участник обратилось к Комитету с просьбой отменить временные меры. 26 ноября 2019 года Комитет, действуя через того же Докладчика, удовлетворил просьбу государства-участника.

Факты в изложении авторов

2.1 В 2008 году мать и брат Л.Х. были убиты в собственном доме вместе с тремя друзьями брата, которые являлись активными противниками режима в Ингушетии. Их дом был сожжен и разрушен. В то время Л.Х. со своей семьей проживала в другом месте. Два месяца спустя ее муж пропал без вести в Москве. Она попыталась расследовать его исчезновение, однако подверглась угрозам со стороны лиц в военной форме, которые приказали ей прекратить поиски мужа. Она также была допрошена Федеральной службой безопасности Российской Федерации, где ей сказали прекратить попытки расследовать исчезновение мужа и никогда не заговаривать об этом. После этого она скрылась. Ее родственники сообщили ей, что какие-то люди приходили к ним домой искать ее. После всех этих событий, опасаясь за свою жизнь и за жизнь своей маленькой дочери, она решила бежать из Российской Федерации. В 2009 году двоюродный брат Л.Х. был похищен из собственного дома, и позже было установлено, что его пытали и убили. В нескольких местных газетах его обвиняли в том, что он вместе с братом заявителя входил в состав террористической группировки.

2.2 Начиная с 2010 года какие-то люди несколько раз приходили искать Л.Х. в доме ее дяди. Дядя сообщил ей, что получил документ, вызывающий ее в суд. Более того, Л.Х. была официально объявлена пропавшей без вести с просьбой помочь установить ее местонахождение. Примерно за шесть месяцев до подачи настоящей жалобы в Комитет ее дядя и его сын были арестованы в Ингушетии.

2.3 Л.Х. подозревает, что ее телефонные разговоры с дядей прослушивались. Например, на ее шведский номер телефона поступил звонок от неизвестного, который говорил на чеченском языке, угрожал ей, чтобы она вернулась домой, и сообщил, что ему известно ее местонахождение.

2.4 Впервые Л.Х. ходатайствовала о предоставлении убежища в Швеции в 2009 году. Результатом этого процесса стало решение миграционных властей о ее высылке в феврале 2012 года. Из страха за свою жизнь и за жизнь своей дочери она решила пренебречь постановлением о высылке и остаться в Швеции.

2.5 3 марта 2016 года Л.Х. вновь подала ходатайство о предоставлении убежища. Она указала те же причины для защиты, что и в рамках предыдущей процедуры предоставления убежища, а именно что ей и ее дочери угрожает опасность быть задержанными и убитыми полицией и Федеральной службой безопасности из-за политической активности ее брата. В ходе этого процесса Л.Х. было разрешено уточнить ключевые части своей истории. Более того, она представила определенные документы, доказывающие, что угроза ее жизни и жизни ее дочери была вполне реальной. 29 марта 2018 года Шведское агентство по вопросам миграции отклонило ее ходатайство. Оно поставило под сомнение его достоверность и отметило, что ее рассказ не соответствует докладам о положении в области прав человека в Российской Федерации. Кроме того, Агентство поставило под сомнение подлинность представленных доказательств и назвало их имеющими «ограниченную ценность».

2.6 В неуказанную дату Л.Х. обжаловала это решение в Апелляционном суде по миграционным делам, который 12 ноября 2018 года отказал в разрешении на подачу апелляции. На момент представления сообщения заявителя проживали в Швеции и ожидали высылки в Российскую Федерацию после отклонения их ходатайства о предоставлении убежища.

Жалоба

3. Заявители утверждают, что их принудительная высылка в Российскую Федерацию будет нарушением Швецией статьи 3 Конвенции. В случае возвращения Л.Х. подвергнется реальному риску ареста, содержания под стражей и пыток.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 24 сентября 2019 года государство-участник сослалось на соответствующее внутреннее законодательство и указало, что шведские власти рассмотрели дело заявителей в соответствии с Законом об иностранцах 2005 года, Законом о временном ограничении возможности получения вида на жительство в Швеции 2016 года и статьей 3 Конвенции. Оно напомнило факты и требования заявителей.

4.2 Государство-участник утверждает, что 30 мая 2012 года заявители подали ходатайство о выдаче вида на жительство или о «повторном рассмотрении» вопроса о выдаче вида на жительство в соответствии со статьями 18 и 19 главы 12 Закона об иностранцах, сославшись на препятствия для исполнения постановления. Заявители сослались на обстоятельства, которые уже рассматривались в рамках процедуры предоставления убежища, однако представили документы на русском языке, которые были якобы повестками о вызове в полицию. 14 июня 2012 года Шведское агентство по вопросам миграции приняло решение не предоставлять заявителям вид на жительство и не проводить новое рассмотрение приведенных ими оснований для защиты. В своем решении Агентство отметило, что представленные документы были простыми по своему характеру. Более того, поскольку указанная потребность заявителей в защите уже рассматривалась шведскими властями, то документация не была сочтена долгосрочным препятствием для исполнения постановления об их высылке. Это решение было обжаловано в Суде по миграционным делам, который 27 июля 2012 года отклонил апелляцию. Заявители не обжаловали это решение Суда.

4.3 14 декабря 2012 года дело заявителей было передано в Шведское полицейское управление для исполнения, поскольку заявители не подчинились постановлению о высылке. Однако вместо того, чтобы вернуться в страну своего происхождения, заявители скрылись.

4.4 2 июля 2013 года заявители подали еще одно ходатайство о выдаче вида на жительство или о повторном рассмотрении вопроса о выдаче вида на жительство. Они сослались на те же обстоятельства и представили те же письменные документы, которые были изучены ранее. 12 июля 2013 года Шведское агентство по вопросам миграции отказало заявителям в выдаче вида на жительство. Заявители не обжаловали это решение.

4.5 18 июля 2014 года заявители подали еще одно ходатайство о выдаче вида на жительство или о повторном рассмотрении вопроса. В дополнение к своим предыдущим заявлениям они представили перевод якобы повестки о вызове на допрос в Министерство внутренних дел Ингушетии. 21 ноября 2014 года Шведское агентство по вопросам миграции приняло решение не предоставлять заявителям вид на жительство. В своем решении Агентство отметило, что в отношении упомянутой потребности в защите не было выявлено никаких новых обстоятельств, которые можно было бы считать долгосрочным препятствием для исполнения постановления о высылке. Заявители не обжаловали это решение.

4.6 Государство-участник не оспаривает тот факт, что в данном деле были исчерпаны все имеющиеся внутренние средства правовой защиты в отношении ходатайств заявителей о предоставлении убежища. Тем не менее заявители не исчерпали внутренние средства правовой защиты в отношении любого из своих ходатайств о выдаче вида на жительство или о повторном рассмотрении вопроса о выдаче вида на жительство.

4.7 Кроме того, государство-участник отмечает, что заявители подали огромное количество письменных материалов, которые не были представлены шведским

миграционным властям или не были тщательно изучены ими. В некоторых из этих документов также раскрывается совершенно новая информация, о существовании которой национальным властям ранее не сообщалось. Поэтому очевидно, что заявители не исчерпали все внутренние средства правовой защиты в отношении этих новых доказательств. В свете вышеизложенного государство-участник считает, что сообщение должно быть объявлено неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты в отношении представленных новых доказательств.

4.8 Государство-участник полагает, что утверждение заявителей о том, что в случае возвращения в Российскую Федерацию они рискуют подвергнуться обращению, противоречащему положениям статьи 3 Конвенции, не достигает минимального уровня обоснованности, необходимого для целей приемлемости. Соответственно государство-участник заявляет, что настоящее сообщение является явно необоснованным и, следовательно, неприемлемым согласно пункту 2 статьи 22 Конвенции и правилу 113 б) правил процедуры Комитета.

4.9 Государство-участник напоминает, что при определении наличия серьезных оснований полагать, что принудительное возвращение лица в другое государство подвергнет это лицо такой опасности пыток, которая представляет собой нарушение статьи 3, Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в этой стране. Вместе с тем Комитет неоднократно подчеркивал, что целью такого определения является установление того, будет ли соответствующему лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам в стране, куда оно подлежит возвращению. Из этого следует, что существование в какой-либо стране постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием полагать, что конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну. Для установления факта нарушения статьи 3 необходимо наличие дополнительных оснований, свидетельствующих о том, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу¹.

4.10 Помимо этого государство-участник ссылается на правовую практику Комитета, в соответствии с которой бремя доказывания в случаях, подобных данному делу, возлагается на заявителя, который должен представить убедительные аргументы в подтверждение того, что ему угрожает предсказуемая, существующая, личная и реальная опасность подвергнуться пыткам. Кроме того, при оценке степени риска применения пыток должны приниматься во внимание факторы, выходящие за рамки одних чисто умозрительных предположений или подозрений, хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности².

4.11 Государство-участник напоминает о положении в области прав человека и безопасности в Ингушетии. Начиная с 2010 года наблюдается устойчивое снижение числа случаев насилия, связанных с восстаниями, хотя они все еще происходят. Согласно отчетам за предыдущие годы, родственники подозреваемых повстанцев рискуют быть арестованными и подвергнуться жестокому обращению. По-прежнему поступают сообщения об исчезновениях людей и применении пыток в республиках Северного Кавказа³.

¹ Например, *Э.Х.В.М. против Швеции* (CAT/C/31/D/213/2002), п. 8.3, и, в качестве более современного примера, *А.Б. против Швеции* (CAT/C/54/D/539/2013), п. 7.3.

² Например, *H.O. v. Sweden*, communication No. 178/2001, para. 13, *A.P. против Нидерландов* (CAT/C/31/D/203/2002), п. 7.3, *Калонзо против Канады* (CAT/C/48/D/343/2008), п. 9.3, и *X против Дании* (CAT/C/53/D/458/2011), п. 9.3.

³ См. Finnish Immigration Service, "Current status of the insurgency in North Caucasus and persecution by the authorities", 2015. URL: https://migri.fi/documents/5202425/5914056/61472_Current_status_of_insurgency_in_the_North_Caucasus_and_persecution_by_the_authorities.pdf/81fb3ef8-652a-4a5b-9478-cffb4b94e08c/61472_Current_status_of_insurgency_in_the_North_Caucasus_and_persecution_by_the_authorities.pdf.

4.12 Государство-участник не хочет недооценивать обеспокоенность текущей ситуацией с правами человека в Ингушетии в Российской Федерации, которая может быть вполне законной. Однако в свете вышеупомянутых отчетов государство-участник не находит причин отступить от оценки национальных миграционных властей, согласно которой сложившаяся там ситуация не может считаться такой, чтобы существовала общая необходимость защиты всех просителей убежища из этой части страны. Государство-участник отмечает, что национальные миграционные власти и суды оценили сложившуюся ситуацию с правами человека в Ингушетии в Российской Федерации в свете индивидуальных обстоятельств заявителей и пришли к выводу, что те не обосновали свое утверждение о потребности в международной защите.

4.13 В связи с первым ходатайством заявителей о предоставлении убежища Шведское агентство по вопросам миграции провело 18 января 2010 года обширное собеседование с Л.Х. по данному вопросу. Собеседование проводилось при содействии переводчика, которого Л.Х., согласно ее собственному подтверждению, хорошо понимала. Впоследствии протокол собеседования был передан государственному адвокату, который был назначен 19 января 2010 года. Дополнительное собеседование было проведено с Л.Х. 16 февраля 2010 года в присутствии государственного адвоката и при содействии переводчика. Согласно протоколу следствия, у нее были некоторые трудности с пониманием переводчика. Тем не менее впоследствии Л.Х. было предложено внести в протокол исправления и комментарии через своего государственного адвоката. После подачи апелляции Суд по миграционным делам провел с ней устное слушание.

4.14 После того как заявители подали ходатайство о предоставлении убежища во второй раз, 6 ноября 2017 года Шведское агентство по вопросам миграции провело с Л.Х. собеседование по вопросу о предоставлении убежища в присутствии ее государственного адвоката. С М.Х. также было проведено собеседование по указанному вопросу в присутствии государственного адвоката. Впоследствии протоколы собеседований были переданы государственному адвокату. Оба собеседования проводились при содействии переводчиков, которых заявители, согласно их собственному подтверждению, хорошо понимали. После подачи апелляции Суд по миграционным делам 7 сентября 2018 года провел с Л.Х. устное слушание.

4.15 Заявителям было предложено через предоставленного им государственного адвоката рассмотреть и представить письменные замечания по протоколам проведенных собеседований, а также сделать письменные представления и апелляции по ним. Из справочной информации следует, что у заявителей неоднократно были возможности представить Агентству по вопросам миграции и Суду по миграционным делам соответствующие объяснения фактов и обстоятельств в обоснование своей жалобы, а также доводы по своему делу как в устной, так и в письменной форме.

4.16 В свете вышеизложенного и того факта, что Шведское агентство по вопросам миграции и суды по миграционным делам являются специализированными органами, обладающими конкретными экспертными знаниями в области права и практики в сфере предоставления убежища, государство-участник считает, что нет никаких оснований для вывода о том, что решения национальных органов были ненадлежащими или что результаты внутренних судебных процедур были произвольными или равносильными отказу в правосудии. Соответственно государство-участник считает, что мнениям шведских миграционных властей должен быть придан значительный вес.

4.17 Государство-участник подчеркивает, что национальные миграционные власти основывали оценки указанной потребности заявителей в защите на их устных показаниях, а также на представленных ими доказательствах. Утверждение Л.Х. в Комитете о том, что ей было отказано в устном слушании в Суде по миграционным делам, неверно. На самом деле Суд провел устные слушания в обоих случаях, когда заявители обжаловали решения Шведского агентства по вопросам миграции об их высылке. Агентство и Суд несколько раз тщательно изучили все факты по делу заявителей, рассмотрев, являются ли их утверждения последовательными и

подробными и не противоречат ли они общеизвестным фактам или имеющейся информации о стране происхождения.

4.18 Что касается письменных материалов, представленных национальным миграционным властям, то государство-участник отмечает следующее. Из решений внутренних органов и судебного решения по данному делу следует, что эти документы были тщательно изучены Шведским агентством по вопросам миграции и Судом по миграционным делам. Как указано в постановлениях, представленные документы не смогли убедительно продемонстрировать указанную заявителями потребность в международной защите, поскольку они, в частности, были копиями и носили простой характер, так что их легко подделать. Что касается представленного Комитету письма от российского активиста, то государство-участник отмечает, что письмо действительно было представлено шведским миграционным властям как письмо посла во Франции. Власти страны задались вопросом, откуда посол мог знать о положении заявителей или о том, что они могут подвергаться преследованиям со стороны российских властей. Л.Х. не смогла ответить на эти вопросы во время внутренних судебных процедур. Более того, шведские власти отметили, что письмо было отправлено с обычного аккаунта электронной почты, который легко создать. Поэтому письмо было признано имеющим низкую доказательную ценность. Государству-участнику неясно, почему заявители изменили свою позицию в этом отношении и теперь утверждают, что письмо исходит от «активиста». Независимо от этого вопросы относительно подлинности писем, которые были подняты в ходе внутренних судебных процедур, могут быть подняты и в отношении письма якобы активиста.

4.19 Что касается предполагаемого приказа о вызове на допрос, то шведские миграционные власти пришли к выводу о том, что он носит простой характер и что в нем не указано, зачем была вызвана Л.Х. Кроме того, представленный ордер на арест был копией и, следовательно, носил простой характер. Поэтому документы были признаны имеющими низкую доказательную ценность. Кроме того, представленные фотографии никак не могли быть связаны с заявителями.

4.20 Государство-участник отмечает, что заявители представили Комитету ряд других документов в поддержку своих утверждений. Тем не менее государство-участник считает уместным кратко прокомментировать эти новые документы. Теперь заявители утверждают, что двоюродный брат Л.Х. был похищен и убит в 2009 году и что эту информацию можно найти в Интернете. Более того, несколько ордеров, находящихся на рассмотрении Комитета, не представлялись национальным властям. Государство-участник отмечает, что Л.Х. не объяснила, почему она скрыла эти сведения в ходе обеих внутренних судебных процедур, и делает вывод, что разумно было бы ожидать, что она не опустит такие основополагающие аспекты своих претензий в ходе внутреннего разбирательства. Государство-участник рассматривает эти утверждения заявителей как попытку придать больше веса их просьбе о предоставлении убежища в Комитете и сильно сомневается в достоверности указанных заявлений и документов. Государство-участник отмечает также, что Л.Х. никак не обосновала свое новое утверждение о том, что человек, который якобы был убит, является ее двоюродным братом или каким-либо другим образом связан с ней.

4.21 Что касается устного рассказа заявителя, то Шведское агентство по вопросам миграции неоднократно обнаруживало, что она предоставляет расплывчатую информацию о том, почему российские власти ею интересуются. Из протоколов, составленных по результатам собеседований по вопросу о предоставлении убежища, следует, что Л.Х. не смогла объяснить, как и почему она представляет интерес для властей. Несмотря на то, что Агентство и ее государственный адвокат задали ей несколько вопросов на эту тему, она не смогла дать распространенные ответы в отношении упомянутых событий.

4.22 В своем решении от 29 мая 2018 года Шведское агентство по вопросам миграции отметило, что Л.Х. подала заявление на получение российского паспорта и получила его в январе 2018 года, в то же время, когда, как она заявила, был выдан ордер на ее арест. Агентство считает маловероятным, что российские власти выдадут паспорт лицу, в отношении которого имеется ордер на арест. Кроме того, Агентство отметило, что Л.Х. утверждала, что информация о ее положении имеется в Интернете.

Однако, несмотря на то, что Л.Х. была дана возможность представить подтверждающие документы, она этого не сделала. Оценив в целом приведенные заявителями доказательства и их устные рассказы, Агентство пришло к выводу, что они не смогли убедительно продемонстрировать, что по возвращении в Российскую Федерацию им грозит обращение, требующее международной защиты.

4.23 В своем решении от 19 декабря 2011 года Суд по миграционным делам отметил ряд несоответствий в рассказе Л.Х. Например, она никогда не занималась политической деятельностью и не имела проблем с властями до предполагаемого нападения на дом ее семьи. На последнем слушании она сообщила другую информацию о своем местонахождении в момент нападения. Также она три раза сообщила разные сведения о том, когда и почему она якобы ездила в Москву со своим мужем. Кроме того, она предоставила совершенно разную информацию о том, как она якобы сообщила в полицию об исчезновении своего мужа. Во время собеседований по вопросу о предоставлении убежища в январе и феврале 2010 года она заявила, что сообщила о его исчезновении в полицию, в прокуратуру, президенту Ингушетии и в различные правозащитные организации. Однако во время устного слушания в Суде она заявила, что, сообщив о его исчезновении, она подписала бы себе смертный приговор. Суд постановил, что она вряд ли чувствовала сильную угрозу со стороны российских властей, поскольку осталась на ферме своего дяди, после того, как служба безопасности якобы приходила туда, чтобы задать вопросы о ее муже. В этой связи Суд отметил также странность того, что у дяди не возникло никаких проблем с властями, хотя он часто контактировал с ними. В целом Суд не считал рассказ Л.Х. заслуживающим доверия и признал приведенные ею основания для предоставления убежища недостаточными для обеспечения заявителей международной защитой.

4.24 В своем решении от 21 сентября 2018 года Суд по миграционным делам отметил, что Л.Х. в основном ссылалась на те же обстоятельства, что и в своем предыдущем ходатайстве о предоставлении убежища. Однако она заявила, что ситуация в области безопасности в Ингушетии неудовлетворительная и что сотрудники федеральной полиции посещали ее родственников, проводили обыски в домах и расспрашивали о ней. Она утверждала также, что до своего убийства ее брат был активным противником режима и что его оппозиционная деятельность стала причиной преследования ее самой и исчезновения ее мужа.

4.25 Что касается устного рассказа Л.Х., то Суд по миграционным делам отметил ряд несоответствий. Во время устного слушания Л.Х. утверждала, что оппозиционная деятельность ее брата стала причиной убийства его и ее матери, а также исчезновения ее мужа. Однако в ходе двух собеседований по вопросу о предоставлении убежища, проведенных в 2010 году, она заявила, что не видит причин, по которым были убиты ее брат и мать. Кроме того, она отрицала, что ее брат имел какую-либо связь с повстанцами в Ингушетии или с любой другой подобной группировкой. В 2010 году она заявила также, что подвергается преследованиям из-за своего мужа. Однако она не смогла объяснить причину исчезновения мужа и заявила, что это может быть обусловлено тем, что он работал в полиции и имел связи с прокурором, который был убит в 2007 году. Суд посчитал, что рассказ о предполагаемой угрозе существенно изменился по сравнению с первым обращением заявителей с ходатайством о предоставлении убежища.

4.26 Государство-участник разделяет оценку национальных миграционных властей, согласно которой Л.Х. настолько не заслуживает доверия, что есть основания сомневаться в достоверности ее утверждений относительно предполагаемой угрозы со стороны российских властей. Государство-участник считает, что речь идет не о незначительных несоответствиях; скорее, Л.Х. представила различные версии событий, имеющих ключевое значение. Более того, заявители представили Комитету совершенно новую информацию, которая не упоминалась национальным властям. Национальным властям не было сообщено ни о том, что якобы двоюродный брат Л.Х. был похищен и убит в 2009 году, ни, насколько известно правительству, о том, что Л.Х. угрожали по телефону. Заявители не представили никакого приемлемого или разумного объяснения того, почему они скрывают такую важную информацию и в то же время утверждают, что существует угроза их жизни. Следовательно, правдивость

жалобы может быть подвергнута серьезному сомнению. Государство-участник считает, что несоответствия в рассказе заявителей и попытки придать ему больший вес вызывают серьезные сомнения в достоверности их утверждений.

4.27 В итоге и со ссылкой на вышеприведенную информацию государство-участник полагает, что изложенные заявителями сведения и факты, на которые они опираются в своей жалобе, недостаточны, для того чтобы сделать вывод о том, что предполагаемая опасность подвергнуться неправомерному обращению по возвращении в Российскую Федерацию отвечает критериям, позволяющим оценить ее как предсказуемую, существующую, реальную и личную. Следовательно, исполнение постановления о высылке в нынешних обстоятельствах не будет представлять собой нарушения обязательств Швеции в соответствии со статьей 3 Конвенции.

Комментарии заявителей по замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 22 ноября и 20 декабря 2019 года заявители заявили в отношении ходатайства о повторном рассмотрении вопроса о выдаче вида на жительство, что оно представляет собой чрезвычайное средство правовой защиты в Швеции и, следовательно, не является частью обычного процесса. После того как решение становится юридически обязательным, ходатай не имеет права на повторное рассмотрение изложенных причин. Тем не менее заявителю может быть разрешено новое рассмотрение, если возникли новые обстоятельства, которые не были рассмотрены ранее и которые подразумевают, что существует риск того, что заявитель подвергнется обращению, оправдывающему международную защиту. Ходатайство о повторном рассмотрении не влечет за собой нового рассмотрения дела, а дает заявителю возможность получить разрешение на повторное рассмотрение дела. Это в свою очередь означает, что возможность подать ходатайство о повторном рассмотрении не дает заявителю автоматического права на изучение изложенных им причин, однако дает ему возможность подать ходатайство о повторном рассмотрении и получить соответствующее уведомление, если шведские власти вознамерятся повторно рассмотреть дело. В некоторых случаях и при определенных обстоятельствах заявителю может быть предоставлена возможность повторного рассмотрения.

5.2 Как уже упоминалось выше, для того чтобы повторное рассмотрение было разрешено, необходимо, чтобы основания, указанные заявителем, представляли собой совершенно новые обстоятельства, которые ранее не рассматривались. В шведском законодательстве и прецедентном праве установлено, что новые доказательства не могут являться новыми обстоятельствами. Это означает, что заявители не могут или не могли получить то, что государство-участник называет «новыми» доказательствами, рассмотренными шведскими миграционными властями. Поэтому, даже если бы заявители обратились с ходатайством о повторном рассмотрении, в свете шведского законодательства и сложившейся практики очевидно, что им не может быть разрешено повторное рассмотрение заявленных оснований и что их высылка не может быть предотвращена никаким образом. Следовательно, эта процедура не является для заявителей способом получения вида на жительство в том смысле, на который пытаются намекнуть государство-участник. Тот факт, что шведское законодательство предоставляет возможность всем заявителям, решения по делам которых стали юридически обязательными, подать ходатайство о повторном рассмотрении в качестве чрезвычайного средства правовой защиты, не может повлиять на оценку того, исчерпал ли заявитель все внутренние средства правовой защиты. Тот факт, что Л.Х. и М.Х. не подавали апелляцию в рамках последних процессов из-за отсутствия помощи адвоката и понимания процедуры, не влияет на право заявителей на рассмотрение их дела Комитетом.

5.3 Заявители утверждают, что большинство письменных материалов, на которые государство-участник ссылается как на новые доказательства с новой информацией, были доступны шведскому Совету по делам миграции и Суду по миграционным делам на протяжении всего национального процесса. Некоторая информация была доступна в Интернете, но национальные власти не предприняли усилий по ее дальнейшему изучению. Тот факт, что некоторые материалы, подтверждающие рассказ заявителя,

не были ранее представлены национальным властям, не может привести к выводу, что заявители не исчерпали все внутренние средства правовой защиты. Доказательства относятся только к доводам, уже указанным заявителями, и поэтому не являются подтверждением каких-либо новых доводов или новых обстоятельств. Другими словами, доказательства, представленные Комитету, предназначены исключительно для подтверждения рассказа заявителей, т. е. информации, к которой шведские власти имели доступ на протяжении всего процесса.

5.4 В отношении двух ордеров на арест, которые были выданы на ее имя в июле 2015 года и в августе 2017 года, Л.Х. утверждает следующее. Поскольку ранее она уже подавала ордер на арест от 2012 года на ее имя в шведский Совет по делам миграции, то ордера на арест от 2015 и 2017 годов, таким образом, не должны считаться ни новой информацией, ни совершенно новыми доказательствами. Важно учитывать также, что шведские миграционные власти уже рассмотрели это утверждение и не сочли ордер достаточно веским доказательством.

5.5 Что касается письма от российского правозащитника, представленного властям как письмо от посла во Франции, то заявители отмечают, что этим человеком является Муса Таипов, правозащитник, находящийся в изгнании во Франции. Они никогда не описывали его как посла во Франции. Что касается подлинности письма, то следует отметить, что очевидно, что письмо написал г-н Таипов, поскольку он сам его подписал. Для подтверждения личности г-н Таипов также прислал копию своих документов, удостоверяющих личность, а также свои контактные данные на случай, если от него потребуется дополнительная информация. Тот факт, что письмо было отправлено с обычного аккаунта электронной почты, не должен повлиять на его оценку; скорее, он служит доказательством подлинности письма, учитывая, что аккаунт электронной почты может быть связан конкретно с г-ном Таиповым, являющимся реальным лицом, которое очевидно существует и которое очевидно занимает указанную им должность. Если письмо само по себе не может считаться достаточным доказательством, то письмо вместе со всеми другими представленными материалами должно считаться более чем достаточным для подтверждения рисков, с которыми столкнутся заявители после возвращения в свою страну.

5.6 Л.Х. отмечает, что ее заявление о том, что ее двоюродный брат был убит, нельзя рассматривать как «новое утверждение». Это просто неправильно, учитывая, что ранее она уже сообщала Шведскому агентству по вопросам миграции о своем двоюродном брате. Из протокола дознания от 16 ноября 2017 года следует, что Л.Х. рассказала о своем двоюродном брате по материнской линии и о том, что в Интернете была информация о нем, которую Шведское агентство по вопросам миграции, по всей видимости, никак не проверило, хотя это, по крайней мере, должно было входить в его обязанности по расследованию.

5.7 Л.Х. утверждает, что ни Шведское агентство по вопросам миграции, ни Суд по миграционным делам тщательно не изучили ни те документы, которые она подала, ни те сведения, которые она представила устно. Ее объяснениям не было уделено должного внимания, несмотря на то, что она говорила последовательно и внятно и представила подробные отчеты о событиях. Оценки шведских миграционных властей были субъективными и не основывались на объективных фактах. Они не изучили информацию, которая была постоянно доступна в Интернете, которая была представлена и на которую Л.Х. конкретно ссылалась на протяжении всего процесса. Поскольку шведские миграционные власти решили дальше не изучать предоставленные сведения, то они тем самым не смогли убедиться, что располагают всей информацией по делу и, следовательно, всеми данными, необходимыми для того, чтобы провести хорошо обоснованную и юридически безупречную оценку.

5.8 Заявители утверждают, что, даже если государство-участник не допустило процедурных ошибок, вопрос о том, будет ли высылка представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции, является вопросом оценки. Это означает, что, несмотря на убедительные доказательства, государство-участник может делать неверные оценки и, следовательно, принимать неверные решения о том, когда высылка действительно нарушает статью. Поэтому данное сообщение не направлено на то, чтобы Комитет

пересматривал решения шведских властей, однако Комитет должен определить, станет ли высылка Л.Х. и М.Х. нарушением статьи 3 Конвенции.

5.9 Заявители утверждают, что государство-участник просто заявило, что их история не заслуживает доверия, даже не изучив имеющуюся информацию. Власти сочли, что представленные документы не смогли продемонстрировать, что заявители нуждаются в международной защите, поскольку они, в частности, были копиями и носили простой характер, так что их легко подделать. Однако это утверждение весьма примечательно по нескольким причинам. Следует отметить, что тот факт, что документы, в том числе приказ о вызове на допрос и ордер на арест, на которые ссылается государство-участник, носят простой характер, автоматически не означает, что эти документы не являются подлинными. Следует отметить также, что, помимо поданных документов, у Л.Х. нет других документов, которые она могла бы представить в подтверждение того, что она и ее дочь нуждаются в международной защите. Представленные документы выглядят так, как они выглядят, и Л.Х. не в силах повлиять на это. Заявители представили большое количество материалов, включая упомянутые документы, которые, как по отдельности, так и вместе, являются убедительным подтверждением того, что Л.Х. заявила устно. Кроме того, представленные документы соответствуют актуальной информации по стране, поэтому их следует считать имеющими высокую доказательную ценность и тем самым дополнительно подкрепляющими рассказ заявителей.

5.10 Заявители утверждают, что, помимо того, что, согласно требованиям Шведского агентства по вопросам миграции, просители убежища должны быть в состоянии подтвердить свою личность и, следовательно, должны посетить соответствующее посольство, существует множество причин, по которым человек может посетить посольство своей страны и подать заявление на получение паспорта, при этом находясь в розыске в своей стране и, следовательно, нуждаясь в защите. Посольство находится в другой части света. Шведские власти должны также понимать, что мало вероятно, что российские власти открыто предпримут какие-либо действия против Л.Х., когда она находится в Швеции, даже если она находится на территории посольства. То, что Л.Х. разыскивается в Российской Федерации, автоматически не означает, что органы страны за рубежом смогут или захотят остановить выдачу паспортов или что она будет арестована на территории посольства. Это особенно актуально, учитывая, что угроза в адрес Л.Х. основана на обстоятельствах, которые российские власти хотят сохранить в тайне. Несмотря на это, Л.Х. не обращалась в посольство за паспортом, и посольство Российской Федерации в Стокгольме не выдавало ей паспорт.

5.11 Подводя итог, устные рассказы заявителей вместе с представленными доказательствами и соответствующей информацией по стране ясно показывают, что после возвращения в Российскую Федерацию заявители столкнутся с предсказуемой, существующей, реальной и личной опасностью подвергнуться пыткам или другому неправомерному обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

Дополнительная информация, представленная государством-участником

6.1 17 февраля 2020 года государство-участник заявило, что дополнительные замечания заявителей от 22 ноября и 20 декабря 2019 года не содержат каких-либо новых материалов по существу, которые не были бы уже освещены в первоначальных замечаниях государства-участника от 24 сентября 2019 года. Тем не менее государство-участник хотело бы подчеркнуть, что оно полностью сохраняет свою позицию в отношении приемлемости и существа сообщения, изложенную в его предыдущих замечаниях.

6.2 Кроме того, государство-участник информирует Комитет о том, что 20 января 2020 года Шведское агентство по вопросам миграции приняло решение отменить свои решения от 13 февраля 2019 года о приостановлении исполнения постановлений о высылке заявителей.

Дополнительная информация, представленная заявителями⁴

7.1 Заявители утверждают, что они получили от Шведского агентства по вопросам миграции и Суда дополнительную информацию относительно дела Л.Х., и в частности ее документов, удостоверяющих личность. Исходя из полученной информации очевидно, что государство-участник ложно заявило, что в 2018 году Л.Х. подала заявление на получение российского паспорта и получила его. В учетном листе, который Л.Х. получила из Шведского агентства по вопросам миграции, указано, что в 2018 году Л.Х. не подавала заявления на получение нового паспорта. Единственным документом, удостоверяющим личность, который Л.Х. представила шведским властям, является ее паспорт, который был у нее с собой, когда она впервые въехала в Швецию. Поэтому очевидно, что она никогда не посещала посольство Российской Федерации в Стокгольме и не обращалась за новым паспортом. Кроме того, неясно, откуда государство-участник или шведские миграционные власти получили такую информацию, учитывая, что она не подавала нового заявления на получение паспорта.

7.2 Тот факт, что Л.Х. не обращалась за новым паспортом и не получала его во время своего пребывания в Швеции, имеет большое значение, поскольку это, по-видимому, одна из основных причин, по которым Шведское агентство по вопросам миграции и шведский Суд по миграционным делам в 2018 году отклонили ходатайство ее и ее дочери о предоставлении убежища.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем приступить к рассмотрению любой жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

8.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 б) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никаких жалоб от какого-либо лица, если не убедится, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Комитет принимает к сведению представленную заявителями информацию о том, что они исчерпали все внутренние средства правовой защиты. Комитет принимает также к сведению представленную государством-участником информацию о том, что 30 декабря 2009 года заявители безуспешно ходатайствовали о предоставлении убежища и выдаче вида на жительство или о повторном рассмотрении вопроса о выдаче вида на жительство, ссылаясь на препятствия для исполнения постановления о высылке 30 мая 2012 года, 2 июля 2013 года и 18 июля 2014 года, и что эти решения не были обжалованы. Комитет отмечает, что 21 февраля 2016 года срок действия постановления о высылке заявителей истек. Комитет отмечает также, что в данном случае государство-участник не оспорило утверждение заявителей об исчерпании ими всех имеющихся внутренних средств правовой защиты в отношении ходатайств о

⁴ 11 ноября 2020 года адвокат заявителя сообщил Комитету, что заявители представили Шведскому агентству по вопросам миграции новые материалы. Однако 9 октября 2020 года Шведский совет по делам миграции решил не принимать их во внимание, поскольку данные материалы уже были оценены миграционными службами. Агентство заявило также, что большая часть письменных материалов, например документ об исчезновении мужа Л.Х., письмо от правозащитной организации, фотографии, приказ о вызове на допрос, ордер на арест и письмо от г-на Таипова, были приняты во внимание в ходе предыдущих процессов. 15 апреля 2021 года шведский Суд по миграционным делам отклонил апелляцию заявителя. 11 мая 2021 года Апелляционный суд по миграционным делам отказал заявителю в разрешении обжаловать решение. В свете вышеизложенного и учитывая, что доказательства были представлены шведским миграционным властям от первой до последней инстанции, заявители считают, что в отношении представленных «новых» доказательств и в соответствии с пунктом 5 б) статьи 22 Конвенции все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

предоставлении убежища. Поэтому Комитет делает вывод о том, что ничто не препятствует ему в рассмотрении данного сообщения на основании пункта 5 b) статьи 22 Конвенции в части, относящейся к высылке заявителей.

8.3 Государство-участник заявляет, что данное сообщение является неприемлемым, поскольку явно не обосновано. Тем не менее Комитет считает, что в связи с аргументами заявителей возникают предметные вопросы, которые следует рассмотреть по существу. Соответственно Комитет не усматривает никаких препятствий для приемлемости, объявляет сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

9.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел жалобу в свете всей информации, представленной ему заинтересованными сторонами.

9.2 В данном случае перед Комитетом встает вопрос о том, явится ли возвращение заявителей в Российскую Федерацию нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») какое-либо лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать применение пыток.

9.3 Комитет должен определить, имеются ли серьезные основания полагать, что по возвращении в Российскую Федерацию опасность применения пыток будет угрожать лично заявителем. При оценке такой опасности Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, вытекающие из пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Тем не менее Комитет напоминает, что целью такого определения является установление того, будет ли соответствующему лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам в стране, куда оно подлежит возвращению. Из этого следует, что существование в какой-либо стране практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием полагать, что конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом его конкретных обстоятельств⁵.

9.4 Комитет напоминает, что, согласно его замечанию общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, в соответствии с которым Комитет оценит наличие серьезных оснований и будет считать опасность применения пыток предсказуемой, личной, существующей и реальной, если наличие достоверных фактов, касающихся непосредственно опасности, на момент принятия им решения будет затрагивать права заявителя по Конвенции в случае его или ее высылки.

9.5 Комитет напоминает, что бремя доказывания возлагается на автора сообщения, который должен представить аргументированное изложение дела, т. е. представить обоснованные аргументы, показывающие, что опасность подвергнуться пыткам является предсказуемой, существующей, личной и реальной⁶. Комитет придает значительный вес основанным на фактах выводам, сделанным органами соответствующего государства-участника; тем не менее он не считает себя связанным такими выводами. Комитет будет осуществлять свободную оценку имеющейся у него информации в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции, принимая во внимание все обстоятельства, относящиеся к каждому делу⁷.

⁵ *И.А. против Швеции* (CAT/C/66/D/729/2016), п. 9.3, и *М.С. против Дании* (CAT/C/55/D/571/2013), п. 7.3.

⁶ Замечание общего порядка № 4 Комитета (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, п. 38.

⁷ Там же, п. 50.

9.6 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что с 2010 года в Ингушетии наблюдается устойчивое снижение числа случаев насилия, связанных с восстаниями, хотя они все еще происходят. Согласно отчетам за предыдущие годы, родственники подозреваемых повстанцев рискуют быть арестованными и подвергнуться жестокому обращению. По-прежнему поступают сообщения об исчезновениях людей и применении пыток в республиках Северного Кавказа.

9.7 Оценивая риск применения пыток в данном деле, Комитет принимает к сведению утверждения заявителей о том, что в случае возвращения в Российскую Федерацию они рискуют подвергнуться пыткам и репрессиям со стороны российских властей в связи с тем, что Федеральная служба безопасности, похоже, заинтересована в заявителях из-за связи брата Л.Х. с противниками режима в Ингушетии и из-за ее расследования исчезновения мужа. Комитет принимает также к сведению довод заявителей о том, что рассмотрение их ходатайства о предоставлении убежища шведскими миграционными властями было произвольным и неполноценным.

9.8 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что заявители имели достаточно возможностей для объяснения соответствующих фактов и обстоятельств в поддержку своих утверждений и для аргументации своей позиции как в устной, так и письменной форме перед миграционными властями в отношении предполагаемых оснований для защиты и убежища, а именно, что им угрожает опасность тюремного заключения и убийства из-за их родственных связей с лицом, которое якобы находилось в оппозиции к правительству в Ингушетии. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что представленные Л.Х. доказательства угроз, которые она якобы получала по телефону, приказ о вызове в суд для допроса, ордер на арест, письмо поддержки от правозащитника и заявление о том, что она была объявлена пропавшей без вести, не являются надежными, носят простой характер и поэтому легко подделываются.

9.9 Признавая обеспокоенность, которая может обоснованно выражаться по поводу текущей ситуации с правами человека в Ингушетии в отношении родственников подозреваемых повстанцев, Комитет напоминает, что наличия нарушений прав человека в стране происхождения самого по себе недостаточно для вывода о том, что заявителю угрожает предсказуемая, существующая, личная и реальная опасность применения пыток. Комитет подчеркивает, что при оценке ходатайства заявителя о предоставлении убежища власти государства-участника должны адекватно оценить возможный риск неправомерного обращения с родственниками предполагаемых повстанцев. В свете всей информации, представленной сторонами, Комитет отмечает, что стороны не оспаривают тот факт, что Л.Х. был предоставлен ряд возможностей объяснить соответствующие факты и обстоятельства в поддержку своих утверждений и аргументировать свою позицию как в устной, так и в письменной форме, включая несколько устных интервью и письменных опровержений в Шведском совете по делам миграции и в Суде по миграционным делам. Комитет отмечает, что каждое устное слушание в связи с предполагаемыми основаниями заявителя для защиты проходило в течение нескольких часов, при содействии переводчика и в присутствии адвоката.

9.10 По мнению Комитета, в данном деле заявителям не удалось справиться с задачей доказывания⁸. Кроме того, заявители не продемонстрировали, что власти государства-участника, рассматривавшие дело, не провели надлежащего расследования.

9.11 В данном сообщении Комитет отмечает, что Л.Х. лично не участвовала в какой-либо оппозиционной деятельности и не была связана с противниками режима в Ингушетии. Кроме того, нет достаточных доказательств принадлежности ее брата и мужа к таким оппозиционным группам. В этой связи отмечается, что, хотя в Ингушетии женщина, имеющая семейные связи с оппозицией и принудительно возвращенная в Российскую Федерацию, может подвергаться опасности применения пыток, в настоящем деле Л.Х. ссылается на единственный случай допроса

⁸ *Сиваганаратнам против Дании* (CAT/C/51/D/429/2010), пп. 10.5–10.6.

сотрудниками Федеральной службы безопасности в связи с исчезновением ее мужа. Комитет отмечает, что Л.Х. никогда не подвергалась ни угрозе ареста или пыток, ни аресту или неправомерному обращению со стороны властей. Кроме того, учитывая тот факт, что Л.Х. была вызвана в суд и объявлена пропавшей без вести, Комитет отмечает, что Л.Х. не представила подробного объяснения, каким образом эти факты могут доказать, что ей угрожает реальная опасность подвергнуться пыткам. Комитет отмечает далее, что тот факт, что Л.Х. смогла свободно и без каких-либо инцидентов выехать из Российской Федерации по паспорту, выданному на ее имя, также свидетельствует об отсутствии у государственных властей интереса к ее местонахождению. Кроме того, она делает заявления о притеснении ее дяди и убийстве двоюродного брата после ее отъезда из Российской Федерации, не предоставляя никаких доказательств. Комитет считает, что другие представленные материалы, такие как письмо от правозащитника и ордер на арест, не являются достаточно правдоподобными, чтобы доказать опасность применения пыток. Кроме того, Комитет помнит о том, сколько времени (по меньшей мере 10 лет) прошло с момента предполагаемых инцидентов, а также об отсутствии утверждений о том, что российские власти в это время разыскивали Л.Х.

9.12 Соответственно, в свете вышеизложенных соображений и в отсутствие каких-либо дополнительных объяснений или информации, имеющей отношение к делу, Комитет приходит к выводу о том, что заявители не представили достаточных оснований полагать, что по возвращении в Российскую Федерацию они подвергнутся реальной, предсказуемой, личной и существующей опасности подвергнуться пыткам или бесчеловечному обращению.

10. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, Комитет делает вывод о том, что высылка заявителей в Российскую Федерацию государством-участником не будет представлять собой нарушения статьи 3 Конвенции.
